

Максим Печорин

**САМАЭЛЬ
ИСТОРИЯ ДЖЕРОМА
ЕЛИСЕЕВИЧА**

Максим Печорин Самаэль. История Джерома Елисеевича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169791

ISBN 9785449082145

Аннотация

Джером Елисеевич, столичный студент, оказывается вовлечен в мистическую авантюру. Впрочем, и его умения исключительны: его за глаза называют «вольным стрелком», а такой человек нужен многим. В образовавшемся хаосе Джером становится центральной фигурой, но сможет ли он понять, кому можно доверять и как сохранить то, что ему дорого?

Содержание

Интерлюдия	5
Часть 1. Столица всероссийская Санкт-Петербург. Ночь на первое мая – Вальпургиева	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Самаэль. История Джерома Елисеевича

Максим Печорин

© Максим Печорин, 2018

ISBN 978-5-4490-8214-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интерлюдия

Живой обелиск правильной геометрической формы, сотворенный из материи, существующей одновременно в нескольких измерениях, излучая алое сияние, возвышался над собравшимися на площади фигурами. Они – последние представители своей древней расы, построившей прекраснейший из всех городов, создавшей этот великий обелиск – средоточие их мудрости и их же ошибок. Просторную площадь с четырех сторон окружали уходящие в облака здания пирамидальной формы, украшенные удивительными по своей реалистичности изваяниями. Каждый камень, каждая ступень этих пирамид представляла собой безупречный прямоугольник, испещренный писаниями, рассказывающими историю от самого сотворения миров. Скользя по желобкам сакральных символов, легкий ветерок обдувал собравшихся, внушая уверенность в их последней воле.

– Время настало, пора нам сойти со сцены, – раздался сильный голос со ступеней одной из четырехугольных пирамид. – Каких бы высот мы ни достигли, но путь этот завел в тупик.

Фигуры на площади остались молчаливы и неподвижны в знак скорби и памяти. Оратор спускался вниз, в высоко поднятых над его головой руках красовался предмет по-своему изящный и неказистый в одно и то же время. Каждая

грань многоугольника рассчитана с предельной точностью, но форма совершенно неприятна сознанию, неправильна. Он словно бы противоречил всем законам мироздания.

– Вы – последние свидетели былого величия, и дабы сохрaнить его в час, когда все миры сплетаются в единую нить и границы реальности наиболее тонки, я остановлю часы нашей расы.

Чем ближе подходил оратор к обелиску, тем ярче становилось алое сияние. От этого искрящаяся кожа всех собравшихся выцветала на глазах, покрываясь безжизненной серой коркой. Все замерли, когда, спустившись на площадь, старейшина водрузил неправильный геометрический камень на вершину обелиска. Материя мира встрепенулась, все пространство издало тяжелый скрежещущий звук, и вместо того чтобы излучать алое сияние, даруя свет знания и жизни, обелиск обратил свою силу на поглощение. Древние хором издали возглас прощания, и, распадаясь, их тела серым песком закружились в пространстве. Каждое из тел создавало отдельную каменную пирамиду сложной формы с извилистыми гранями, окружая древний город стеной, уходящей далеко в небеса. Каждая из каменных пирамид отличалась уникальными изгибами и неровностями, сохраняя черты характера своего предыдущего воплощения. Земля содрогнулась от тяжести внезапно возникшего горного хребта, ужасное землетрясение, уничтожая последние признаки существования этого прекрасного древнего города, пронеслось по по-

верхности планеты.

Через какое-то время обелиск заснул, как заснуло и единое сознание древних, обративших свои тела в горную породу. Теперь он излучал мерное голубое сияние, оставшись на вечность в своей темной гробнице.

Насколько хватало глаз, раскинулись Кавказские горы. Любой, кто хоть раз видел перед собой эту громадную стену со снежными шапками, уходящими за облака, ощущал приступ благоговейного восторга и страха. Недаром о них слагли легенды, если даже современный человек дивился этому чуду природы, что уж говорить о необразованных дикарях, придававших горам очертания богов. Величественные древние каменные мудрецы хранили в себе не только внешнее величие, но тайны, скрытые далеко от человеческих глаз. А когда есть тайна, есть и тот, кто должен её раскрыть...

– Профессор, мы наконец расчистили завалы! – донесся до почерневшего за время сна живого камня звук членораздельной речи, и слабый поток воздуха ворвался в его темницу. Это звуки пробуждения, звуки новой эры. А тем временем по ступеням к нему спускался новый «старейшина», обелиск ощущал невероятные амбиции и сильный дух этого существа еще не знакомого ему нового вида, которого прислужники именовали «профессор».

Часть 1. Столица всероссийская Санкт-Петербург. Ночь на первое мая – Вальпургиева

Глава 1

Лектор прохаживался вдоль доски мерными шагами, изредка поглядывая на скучающую аудиторию. За окном полетному заиграло солнце, питерская зима пошла на спад, а весна начала набирать силу. 29 апреля 1877 года обещал быть невероятно теплым, и «шкубентам», как нравилось именовать профессору Тетереву своих учеников, не терпелось скорее покинуть душную аудиторию. Один из студентов совершенно отстранился от лекции о естественных науках, которые опровергали свои же догмы практически каждый следующий день. Молодой человек грезил приключениями, то ли возраст такой, склонный к романтике, то ли проявлялась, еще с детства, мечтательная натура. Профессор Тетерев невысокого роста, широкоплечий дородный мужчина. К своему возрасту он уже обзавелся приличным животиком, который с немалым удовольствием поддерживал руками. Мужчина прервал повествование об орбитах вращения небесных тел и обратил взгляд своих маленьких глаз,

спрятавшихся под очками с толстыми стеклами, на молодого «шкубента».

Прикрыв глаза, Джером абстрагировался от насущного, уносясь в тир, почувствовал знакомый пороховой запах. В ушах, словно музыка, раздавались ружейные и пистолетные выстрелы. Представил, как кучно кладет пули в мишень, выстрел за выстрелом разлетаются стеклянные бутылки. Внезапно осколки, отбрасывающие мечущиеся в страхе тени, начинают обретать человеческие очертания. Странное чувство охватило молодого человека, когда стальной запах крови сменил привычный пороховой. От этого сердце молодого человека начало часто колотить в груди, а кровь пульсировала в висках. Люди метались перед прицелом винтовки, словно дикие звери, а Джером с выдержкой хладнокровного убийцы выбирал в этой толпе свою цель. Душная аудитория осталось далеко в прошлом, туманным воспоминанием, подернутым дымкой времени. Угрызения совести, моральные нормы, ничто не беспокоило сейчас стрелка, полностью преданного своему делу и своему оружию. Вот наконец-то первая цель – мужчина среднего возраста, чиновник, при портфеле и костюм с иголки. Выстрел, словно раскат грома, разрывает мирную улицу на части, сея панику, а жертва падает замертво. Винтовка ликует, она живая, она жаждет больше крови, и тогда на мощеную камнем улицу падает еще одно тело. Теперь жертвой оказывается молодая девушка в легком по-весеннему платье и лаковых туфельках, она

не настолько проворна, чтобы покинуть зону обстрела после первого убийства. Стрелок полностью уверен в своих действиях, эти люди получили заслуженное наказание, они виновны в ужасных преступлениях. Вот новый выстрел, но теперь ответный, уже в убийцу, выбивает кусок камня из стены возле оконного проема. Казенный револьвер полицейского не приспособлен для точной стрельбы на такие расстояния, а стрелок уже поймал его на свою мушку, но в этот раз пуля лишь слегка ранит служителя порядка в ногу. Форма Джерому не знакома, совершенно отличается от столичной, скорее всего, даже не русская. Резкий скрежещущий голос вырвал студента из этих видений, сменивших, казалось, безобидные фантазии.

– Вам что же, Джером Елисеевич, совершенно не интересна астрономия?

«Черт побери, конечно, не интересна эта ваша глупая астрономия! Кому есть дело до того, как вращаются эти планеты и на каком расстоянии находятся звезды», – пронеслось с яростью в мыслях возбужденного сознания студента, но лицо его не дрогнуло, лишь уголок рта слегка приподнялся в легкой ухмылке. И тут же испугавшись несвойственной реакции, одернулся. Испуг сменился праведным гневом, прогрессивному студенту широких взглядов, коим считал себя Джером Елисеевич, непростительны такие слабости. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, все по новой азиатской науке, о которой недавно читал. Все вернулось на свои

места.

– Прошу прощения, Николай Игнатьевич, просто с закрытыми глазами мне было легче представить орбиту вращения Луны и рассчитать скорость вращения, сопоставляя эти данные с лунными циклами.

По сонной аудитории прокатились вялые смешки. Профессор Тетерев прищурился, помедлив несколько секунд, вернулся к своей наискуднейшей лекции, прохаживаясь взад и вперед вдоль университетской доски, исписанной формулами и схематическими изображениями солнечной системы.

Но вернемся к студенту, в свои только наступившие двадцать лет лицо молодого человека уже покрывала густая щетина и модные щегольские усики, подкрученные с особой любовью. Аккуратно подстриженные волосы зачесаны назад с пробором по правой стороне, темные, как ночь, идеально сочетались с темно-карими глазами. Он больше походил бы на горца, если бы не черты лица, исконно славянские, аккуратный прямой нос, тонкая линия губ, волевой подбородок. Молодого человека можно считать настоящим красавцем, многие однокурсницы то и дело бросали на него недвусмысленные взгляды, но Джером прослыл исключительным затворником и однолюбом. Стандартная университетская форма вычищена и выглажена, дорогие сапоги из мягкой кожи и перстень с фамильным гербом, выдававший его высокое происхождение. Джером на европейский манер, а по документам Иероним, являлся внучатым пле-

мянником недавно отошедшего от дел митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Григория. Иероним Елисеевич Постников родителями был определен на обучение в «универсум», ибо нужно знать все заблуждения человеческие, чтобы потом понять истинную причину служения Господу, но, к слову, не все науки в университете казались Джерому «заблуждениями человеческими» и не сильно его манила «служба Господу». От этого нигде не чувствовал он себя своим, кроме стрельбища, о котором вновь вспомнил, и вновь знакомый запах пороха ударил в ноздри, вскружил голову.

Свой первый выстрел из 4.2-линейного револьвера системы Смита-Вессона молодому мальчишке позволили сделать во время стрелковых учений гусарского полка, расквартированного в небольшом уезде, где рос Джером. С тех пор стрелковая наука стала главным увлечением в жизни молодого человека, в которой уже в своем сравнительно молодом возрасте он достиг приличных результатов. Занимал второй год подряд первое место по университету в студенческих соревнованиях по стендовой стрельбе. Черпая знания в книгах, совершенствовал свое мастерство на стрельбище каждый свободный вечер. Тем не менее лекция не спешила заканчиваться, и приходилось слушать про сидерический месяц и видимое движение Луны, которое и так можно было проследить, ежедневно поглядывая на небо, и про то, что он длился двадцать семь дней сколько-то часов и сколько-то

минут, и даже точное значение секунд. Вот уж, право, бесполезная информация, но в памяти у Джерома на все находилось место, даже при всем нежелании запоминать эту ерунду. Одиннадцать целых и пятьдесят одна сотая секунды, если это время умножить на двенадцать, то ровно столько осталось до конца лекции, вот это уже были более полезные расчеты. Джером поправил завитки на концах модных усов и обвел взглядом остальных студентов, томившихся в аудитории. Он практически ни с кем не общался без необходимости, скорее, из особой любви к уединению, чем от неприязни или завышенной самооценки. Здесь присутствовали сыновья и родственники известных политиков, графов, высших чиновников и даже один сын английского лорда. Возможно, позднее ему быгодились такие знакомые и связи, и только из этих эти соображений Иероним все же поддерживал какие-никакие отношения. Хотя и не сильно близкие, на общие собрания ходил редко, а уж на балы и вечерние сходки вообще не стремился. Можно сказать, единственным из одноклассников, с кем происходило более-менее живое общение у Джерома, являлся Теренс, тот самый сын английского лорда, с которым можно было попрактиковаться в живой беседе на английском. Английский стал практически вторым родным языком Иеронима в последние годы столичной жизни.

Спасительный колокольчик зазвенел по коридорам университета, и профессор Тетерев, видно также уставший

от невнимательных «шкубентов», с удовольствием прервался на полуслове, принялся собирать свои записи в кожаный портфель. Письмо легко выпорхнуло из профессорского портфеля, перевязанное шелковой лентой и скрепленное сургучом. Николай Игнатьевич неловко махнул рукой, пытаясь схватить конверт, но только оттолкнул его еще дальше. Джером подскочил со своего места в желании, наконец, покинуть душную аудиторию и отправиться на стрельбище, о котором мечтал всю лекцию. Письмо упало прямо под ноги торопливого студента, еще мгновение, и мог бы наступить. Редкая дорогая бумага, печать с гербом дома Романовых могли оказаться растоптанными, если бы не реакция и зоркий глаз прирожденного стрелка.

– Кажется, у вас, Николай Игнатьевич, выпало, – изучая герб на печати, протянул Джером.

– Ох, спасибо... – Тетерев схватил письмо и рассеянно повторил, уставившись на запечатанный конверт. – Ох, спасибо, Иероним Елисеевич.

– Интересная печать... – он с интересом изучал старого профессора, который открылся с новой стороны.

– Что вы, зачем императорскому дому старый профессор Тетерев, так, из академии наук, – мужчина неловко рассмеялся и скорее сунул конверт в портфель. – У вас вопросы по лекции? – похоже, распространяться и хвастаться Тетерев не собирался.

– А, нет, все предельно ясно, всего доброго, Николай Иг-

натъевич.

Стоило Иерониму выйти в коридор, как знакомый голос окликнул молодого человека.

– Are you hurrying, Jerome? It's a beautiful weather outside.¹

– Тороплюсь покинуть это удушающее вместилище ненужной информации, – ответил так же по-английски Джером и обернулся к спешившему за ним Теренсу Денненгему.

– Ты прав, совершенная тоска... Пройдемся по Невскому, мне необходима разминка ума, беседа с достойным человеком. Погода располагает.

Возможно, долгое пребывание в Санкт-Петербурге сделало из чопорного англичанина романтика и мечтателя, любящего рассуждать на темы о смысле жизни, душе и других теологических вещах, в которых считал Иеронима сведущим человеком и интересным собеседником.

– Отчего же не пройтись...

Джером слегка улыбнулся, тем более дорога до стрельбища как раз пролегла в том же направлении, а в компании можно будет скоротать время нетерпеливого ожидания музыки ружейных выстрелов. На выходе из университета услужливый смотритель предложил молодым господам извозчика, отказались, ведь погода в городе на Неве и правда была замечательной. Улицы уже почистили от снега, а за несколько солнечных дней центральная часть успела подсохнуть. Диалог, по обычаю, шел немного односто-

¹ Ты торопишься, Джером? На улице такая прекрасная погода.

ронний, Теренс рассуждал о полезных сторонах лютеранства и подчеркивал прелесть того, что Россия давно уже проповедует учение на родном языке, но, конечно, можно было бы его уже и осовременить. Джером кивал, иногда старался подержать и развить мысли, посещавшие и его.

– Религия устарела еще больше, чем науки, которые хоть как-то следуют за прогрессом, – не то чтобы Иерониму было до этого какое-то дело.

– Как раз Мартин Лютер шагает в ногу со временем и даже бросил открытый вызов гниющему от застоя Ватикану, – парировал англичанин.

– Несомненно, заметь, Теренс, как быстро мир менялся последние годы. Все эти технологии, науки, почему в истории ничего не менялась тысячу лет, а сейчас происходят такие невероятные открытия?

– Может быть, тогда людям было достаточно, а теперь мы достигли своего нового предела. Все настолько устарело, да и жажда знаний пробудилась в людях.

– Вот именно, мой друг, и мир получил новый толчок, а возможно, даже грубый «пинок» последними открытиями ученых.

– Ну, когда кто-то в чем-то сильно нуждается, то обычно получает.

– И мы с тобой стали свидетелями этого «пинка». Я чувствую, вскоре должно произойти что-то значительное! – Джером вряд ли мог подозревать, насколько сейчас он был

близок к истине, к тому, что мир может измениться уже на следующий день.

– Вы мечтатель, мой дорогой друг, – улыбнувшись, собеседник похлопал Джерома по плечу.

– Без мечты мы ничто. Мечта ведет величайшие умы к новым открытиям, – похоже, Джером и сам втянулся в беседу.

Диалог, который непременно шел на иностранном языке, был ужаснейшим образом прерван шумом паровой машины и лязгом металла о камень на мостовой позади студентов. Паровой дилижанс неспешно катил с Невского, повернув на набережную реки Фонтанки, куда недавно свернули и молодые люди. Благодаря стечению некоторых обстоятельств и общим знакомым, Джером уже видел эту невероятную машину и был знаком с хозяином.

– Overwhelming power, my dear friend Jerome! – воскликнул англичанин.

Похоже, картина сего торжества техники могла с легкостью уничтожить всю его веру в Господа и отдать в руки науки. Теренс заворожено провожал взглядом невероятно шумную машину, изрыгающую, словно дракон, пары горячего пара. Машина с вытянутой кабиной, установленной на жесткой подложке шасси с изящными колесными арками, пробудила воспоминания и сердце молодого человека. Джером обнаружил невольную улыбку на своем лице. Раз в городе появился этот дилижанс, значит, они наконец-то вернулись.

– Вскоре такие машины заполонят улицы всех городов, эх,

возможно, в Лондоне уже... Давно я не бывал дома.

С нотками благоговения и хандры произнес Теренс, отчего-то перейдя на русский с легким акцентом. «Нет, в Лондоне „таких“ еще нет, нигде нет, кроме славного Санкт-Петербурга», – это Джером знал точно. Собеседники остановились точно напротив дома, где английское посольство снимало отдельную трехкомнатную квартиру для Теренса Деннингема. Когда очарование отпустило англичанина, он вскинул руки, все еще пребывая в возвышенном состоянии чувств.

– Мы уже дошли, слишком коротка дорога для столь интересной беседы, в какое время живем мы с вами, мой дорогой друг, время перемен и возможностей. Не хотите подняться на чашечку английского чая?

Иероним откланялся, сетуя на то, что время и вправду больших возможностей и нужно скорее заняться важными делами. Ибо руки его чесались от желания взяться за холодную сталь и нажать на взведенный курок, положить пулю за пулей точно в цель, а не чай распивать. На этом и распрощались. Теренс также поддержал друга в том, что дела не ждут, и действительно нет времени у них сейчас на чай.

Джером Елисеевич еще немного постоял, смотря на воду реки Фонтанки, с которой уже сошел лед, погрузившись в какие-то свои потаенные мысли. Затем достал из кармана золотые часы с латинскими инициалами J.D., взглянул на время. Секундная стрелка безостановочно пробегала круг за кругом. Скоро, очень скоро они вновь увидятся.

Около ближайшего моста Иероним подозвал извозчика. Подняв воротник студенческого пиджака, прыгнул в экипаж. Велев поторопиться в указанном направлении, задернул все шторы на окнах и всю дорогу просидел тихо, словно никого там и не было. Вымощенные дороги столицы сменились гравийными, а прекрасные каменные здания – покосившимися деревянными. Задворки Санкт-Петербурга не внушали такого благоговения как Невский, вряд ли недавний собеседник и аглицкий подданный Теренс Деннингем бывал в этой части столицы. Возможно, его мысли о культурном развитии России слегка изменились бы, но именно такие места Иерониму нравились гораздо больше – тишина, покой и отсутствие лишних глаз и ушей. Столичные полицейские из центрального отдела сюда не заглядывали, а местные служители закона никогда не отказывались от лишней монеты. Студент приказал остановить повозку на одной из безымянных улиц и, кинув монету извозчику, безмолвно покинул экипаж.

Глава 2

Деревянный приклад и холодная сталь новенькой винтовки, которую Иероним держал в руках в предвкушении пустить оружие в ход, были верхом оружейного дела. Доработанная местным умельцем Петькой, как это называется, «под стрелка», винтовка капитана Гра модификации Ремингтона лежала в руках молодого человека как влитая, словно продолжение его тела. Гильза выбрасывалась специальным отражателем после выстрела, а не втягивалась из ствольной коробки, улучшенная обтюрация и упрощенный затвор – идеальное оружие. Стрелок помедлил у огневого рубежа, взглянул на мишень в трехстах шагах от себя, затем, приложив приклад к плечу, выпустил подряд три пули, практически не ощущая отдачи. Они со свистом ушли вдаль, послышались легкие шлепки, а Джером Елисеевич с закрытыми глазами вдохнул аромат пороха и представил, как пули пробивают мишень. Петька – угрюмый мужик, лет около пятидесяти с густой бородой, одетый в солдатский мундир без опознавательных знаков отличия и кузнечный передник – прошел в сторону мишени. Настоящего имени Петьки он не знал, да и сам оружейник не много распространялся о себе, скрытный и молчаливый гений своего дела.

– Три пули, а одно входное отверстие! У вас соколиный глаз, господин Постников, уж ни более и не менее! – голос

оружейника эхом разлетелся по подземному стрельбищу.

Поистине грандиозное сооружение, огромная зала на глубине нескольких верст на окраине столицы. Джером узнал о нем случайно, от одного знакомого археолога, здесь действовали клубные правила и не каждому разрешалось вступить. Но для знакомых и членов высоких родов делали исключения, в основном клуб существовал для ветеранов императорской гвардии и элитных войск. Иероним всегда вовремя вносил плату за пользование этим подпольным стрельбищем и полную анонимность. Но с Петькой они вроде бы сдружились, молодой человек восхищался талантом старого оружейника, а тот в свою очередь соколиным глазом студента. Странное чувство, Джером почувствовал стальной привкус крови на языке такой же, как в том видении утром на лекции, когда посмотрел на стоявшего у мишеней старика. Каково это – стрелять по живым мишеням? Стрелять в гениального Петьку он, конечно же, не будет, это бы была невосполнимая потеря для оружейного дела, но в тот момент, в странных фантазиях, стрелок делал каждый выстрел хладнокровно, без сожаления. Что за ужасная идея поселилась в его голове, откуда эти мысли и жажда крови, он не понимал.

– С таким оружием каждый станет мастером, – ответил Иероним, разглядывая чудо-винтовку.

– Уж поверьте опыту старика, не каждый, господин Постников, далеко не каждый...

Сохранив спокойное выражение лица, молодой человек осознал, что похвала ему не чужда и даже лестна. Скорее всего, возраст. Да, он и вправду был стрелком каких поискать, наверное, именно поэтому сейчас здесь и держит в руках именно оружие, которому имел честь сам дать имя – Самаэль, во имя самого ужасного из известных молодому человеку падших ангелов, ангела смерти, пришедшего за Моисеем. И также в честь его воплощения из оперы Карла Вебера «Вольный стрелок», которую молодой еще Иероним с замиранием сердца смотрел несколько лет назад. Себя он сравнивал с охотником Максом, которому Самаэль обменял секрет изготовления волшебных пуль, которые всегда попадают в цель, на душу. И в его жизни, несомненно, была прекрасная Агата, столько общего и одновременно ничего. Молодой человек махнул головой, отгоняя романтические мысли, и подавил желание вынуть из кармана её платок. Петька подоспел как раз вовремя, протягивая стрелку мишень. Действительно – одно входное отверстие, кучно кладет. Заплутав в своих мыслях и некотором любовании мишенью, Джером не заметил, как за его спиной в этой подземной зале появился еще один человек.

– Ты возмужал, Иероним! Стреляешь гораздо лучше, чем в детстве, – этот голос, такой родной и знакомый и одновременно наполненный совершенно чужими интонациями.

Джером похолодел, по спине пробежал легкий холодок, словно взрыв из прошлого, сознание лихорадочно пыталось

сопоставить этот знакомый тембр с тем, казалось, уже забытым, из самого детства. Обернувшись, все еще с винтовкой в руках, молодой человек смерил взглядом девушку в монашеской рясе. Да, новой посетительницей стрельбища оказалась именно она. Знакомые черты лица, та же осанка и глубокий тяжелый взгляд голубых водянистых глаз. Повзрослела, лицо немного вытянулось, скулы проступили жестче. С непокрытой головы спадали короткие черные как смоль волосы, точь-в-точь как у Иеронима.

– Мэри? – Джером с некоторым недоверием произнес имя своей старшей сестры.

Мария Елисеевна Постникова была старше своего брата всего на год, в свои пятнадцать решительно посвятила себя службе Господу и ушла в монастырь. По крайней мере, так родители сказали мальчику, но он считал, что своевольная девушка просто сбежала из дома в поисках своего пути. Они часто разговаривали перед её исчезновением, будучи оба одарены тягой к знаниям. Мария всегда была противницей «женской доли», считавшейся в России эталоном общественной морали, – стать хорошей женой, матерью и домохозяйкой. «Пропасть в обыденности? Никогда!» – это Машенька решила для себя с раннего возраста. С тех самых пор уже шесть лет ни Джером, ни родители не видели дочери и ничего о ней не слышали. Но монашеская ряса говорила в пользу версии родителей, что слегка сгубило впечатление от встречи, не такой судьбу своей сестры представлял Дже-

ром. Иногда молодой человек думал, что она стала ученым или художником где-то в цивилизованной Европе.

– Мария, не искажай имена на западный манер, брат.

Стрелок, аккуратно положив винтовку на стойку огневого рубежа, подбирал слова, но все не мог сложить картину воедино. Все вылилось в тяжелый вопросительный взгляд его темных глаз в водянистые глаза Марии. Повисло неловкое молчание.

– Не извольте гневаться, у нас закрытый клуб, эм... мисс, – шаркая, подошел Петька, прищулив свои хитрые маленькие глазки.

– Все нормально, Петр, прошу, оставь нас.

Оружейник о чем-то задумался, но спорить не стал.

– Как угодно, господин Постников.

Стоило двери хлопнуть за их спинами, тон монахини сменился.

– Идем за мной, Ерема, – как в детстве, произнесла сестра. – Винтовку оставь здесь, она тебе пока не понадобится.

Проследовали к дальней пустовавшей стене, где сваливали отслужившие свой срок пулеуловители у крепкого бруса подпорок. Мария коснулась одной из балок, и та ушла внутрь, открывая узкий проход в темный мрак коридора. Балка бесшумно опустилась на свое место за спинами пары, со щелчком включился холодный свет электрических ламп, подвешенных по потолку, – невиданное дело в этой части Петербурга.

– Что за лабиринты тайного ордена? – усмехнулся этому пафосному спектаклю Джером, но, признаться, им удалось его удивить.

– Подожди немного, сейчас увидишь все своими глазами.

– Никак в монахи меня завербовать решили?

– Выбор посвятить себя служению Господу каждый делает сам, я лишь хочу отвести тебя от пути несправедного либо указать путь истинный. Нам нужен такой «вольный стрелок», как ты, брат Иероним.

– Избавь меня от таких пафосных речей... Брат Иероним, звучит хорошо, даже имя церковное брать не нужно, но я пас, прошу Джером покамест.

– Джером так Джером. Но ответная просьба – Мария.

– Мария так Мария.

Молодой человек пожал плечами, возможно, идущая впереди него девушка сделала похожий жест, либо это была всего лишь игра света в темном узком коридоре, освещенном потусторонним электрическим светом. Он все еще не мог сложить картину в одно целое, но страха перед неизвестностью не испытывал, скорее, предвкушение познания сокровенной тайны исчезновения сестры. Коридор был невероятно аккуратным, идеально выровненные стены, потолок, пол соприкасались под точными прямыми углами. Можно было поклясться, что если к ним приложить треугольник, то стороны совпадут идеально. Еще ни разу не попадалось ему такое торжество геометрии в построенных человеком соору-

жениях, всегда можно было найти изъян, но, похоже, тут его не было.

– Кто строил эти тоннели?

– Они были тут всегда, мы просто научились ими пользоваться.

– Как это всегда? – немного опешил молодой человек.

– Я точно не знаю, но, похоже, еще до основания Санкт-Петербурга.

– И ты так легко рассказываешь мне такие вещи?

– Тебе вскоре придется узнать гораздо больше тайн этого мира, чем многие узнают за всю жизнь, конечно, если согласишься нам помочь.

– А если не соглашусь? – Но коридор, конечно уже произвел впечатление, сложно устоять, когда тебе предлагают узнать сокровенные тайны.

– Можешь сразу не соглашаться, подумать, у тебя есть один день, а теперь ближе к делу.

Когда сестра Мария закончила фразу, коридор внезапно закончился просторной комнатой, обставленной аскетически и также освещенной электрическими лампами. Пахло сосной и ладаном, каменные стены завешаны холстами с библейскими и еще какими-то не известными Иерониму картинами, в центре стол с кипой различных папок и бумаг.

– Прошу.

Они сели рядом на жесткие табуреты, Мария быстро разложила перед братом старинные пергаменты. Одни на ла-

тыни, другие на древнерусском, еще иврит и совершенно на непонятном языке, черточки-палочки. Где-то Иероним уже слышал про азиатский стиль письма – иероглифы, но видел впервые.

– Японский, – пояснила Мария, увидев небольшую заминку в глазах студента. – Тут записи из различных источников, они описывают определенное событие, которое произойдет завтрашней ночью снова. Наша задача его предотвратить.

Вполуха слушая приятный сердцу голос сестры, Джером успел вчитаться в пергаменты на знакомом древнерусском и латыни. И его до этого момента холодное выражение лица уже не могло скрыть некоторого удивления. Мистика, сказки, легенды все на одну тему. Тридцатое апреля, то есть завтра, день, описанный в каждом из пергаментов, по крайней мере в тех, что Иероним мог прочесть. Каждая история сводилась к тому, что грань между миром живых и мертвых истончится настолько, чтобы дать возможность темным силам проникнуть в мир людей, и тогда наступит, так скажем, «начало конца», все погрузится в хаос.

– Seriously? Ведьмы, Вальпургиева ночь? Эти детские сказки просто прикрытые для черных делишек католической церкви...

– Можно сказать и так, у нас есть точные сведения, завтра в святом Петербурге произойдет самое нечистое событие за всю мировую историю.

Джером резко поднялся, оттолкнув табурет так, что тот

упал на каменный пол, в глазах молодого человека читалась толика презрения и обиды за сестру и её затуманенный рассудок. Тайна, которая будоражила его мысли последние невероятно долгие десять минут, этот идеальный геометрический коридор, возвращение пропавшей сестры. На поверку очередная «охота на ведьм», и это в конце девятнадцатого века, века науки, изобретений и надежд, о котором еще недавно он так живо беседовал с одноклассником, англичанином Деннингемом. «Это был крах, полнейшее фиаско, сестра Мария».

– Nonsense!

– Постой, и правда церковь совершала ошибки, но нам действительно нужна помощь именно такого человека, как ты, брат. Того, кто свободен в своих мыслях, человека широких взглядов, «вольного стрелка». Не спеши, Иероним, я уже говорила, подумай до завтра.

– Джером.

Он хотел было отмахнуться и уйти, но, во-первых, не знал, как выйти из этого подпольного убежища современной православной инквизиции, а, во-вторых, в глазах его старшей и горячо любимой сестры, в ее стальных глазах читалась просьба о помощи.

– Но не все «выдумки», дабы поддержать веру в людях за счет страха перед богом. Дьявол действительно существует.

Она ждала ответа, но молодой человек стоял и молча огля-

дывался по сторонам. Похоже, план эффектного появления монахини-сестры трещал по швам. Она действительно не виделась с братом слишком долго, позабыв про его упертый характер и живой ум, шансы таяли, придется раскрыть карты.

– Мы не какие-то сумасшедшие фанатики, и то, что произойдет завтрашней ночью, нужно остановить... Иначе начнется темная эра, которая погрузит в хаос не только наш столичный Санкт-Петербург и всю Россию, но следом захлестнет и всю остальную планету.

Девушка тоже встала из-за стола, прошла по комнате, обойдя стол вокруг, достала из-под стопки бумаг два конверта – один с гербовой сургучной печатью, второй крупнее, перевязанный нитью.

– Состоится «встреча», конечно, это будут не пляски обнаженных ведьм на лесной поляне у костра в лунном свете. Светский ужин, много гостей, высших чинов, генералы. Всех этих людей захватят в свои сети, затуманят им разум и отвратят от пути божеского. А потом они вернутся на свои высокие посты и будут вести нашу страну к развалу и войнам.

Из большого конверта на стол высыпались фотокарточки и чертежи. На одних карточках запечатлены маленькие фигурки людей на фоне величественных гор, на других портреты.

– Мы выбрали тебя не только за невероятные достижения в стрельбе. – Мария подвинула несколько фотографий на край стола. Джером вздрогнул, всех этих людей он хоро-

шо знал, и особенно прекрасную девушку с длинными волнистыми волосами и умными темными глазами. – Ты, несомненно, знаешь этих людей, Генрих Фон Арнет, ведущий мировой археолог, Дженнифер Дейси, британский историк, а вот этих, возможно, еще не знаешь. – Она указала на странного человека с незапоминающейся внешностью. – Брат Генриха – Софо. – Перевела палец на светловолосого мужчину с каменным лицом и волевым подбородком. – Начальник личной охраны – Пауль Рихте.

– И что же, по-вашему, уважаемый мной Генрих, светило науки, каких поискать, планирует бал Сатаны? И откуда тебе известно про меня и Дженнифер, как давно вы следите за мной?

– Не так давно, с тех пор как ты познакомился с англичанкой, Джером, и честно сказать я была невероятно удивлена. Хорошо, давай уже покончим с недомолвками, это все прикрытие, вся эта мантия. Это дело императорской секретной службы.

– Государственная измена – это теперь по части Сатаны и православной церкви? Я не исключаю, что в высших чинах есть шпионы и изменники, которые строят козни, вставляют палки в колеса Государю Императору Александру и государственной машине, но происки Дьявола...

– Тут нечто больше, Генрих нашел в этой экспедиции то, что не должно было покидать пределов Кавказских гор и всегда оставаться захороненным. По обрывкам информации,

большая часть которой, конечно, всего лишь легенды, этот артефакт уже уничтожил целый народ или что-то в этом роде. Легенды расплывчаты. Понимаешь, Генрих ученый, наука идет вперед путем ошибок, но некоторые из них недопустимы, и наша задача – предотвратить одну из них.

– А может, это наш билет в будущее, Мэри, а такие ретрограды бюрократической машины, как ваша служба, зарюют нас обратно в каменный век?

– Дженнифер грозит опасность, если не ради России, то ради неё.

– Это уже удар ниже пояса, – голос молодого человека, уязвленного таким подлым маневром, зазвенел сталью. – Ради России я отдам свою жизнь, как и ради Дженн, но тут не тот случай.

– Раз уж ты настроен столь скептически, открой, когда вернешься домой, а твой воспаленный неожиданными событиями рассудок успокоится, Иероним. – Отдав второй конверт – дорогая рифленая бумага, перевязанная черной шелковой лентой и скрепленная сургучной печатью с гербом Романовых, – шпионка продолжила: – Тут действительно замешано что-то большее, чем политика, наука или религия. Что-то, с чем еще не сталкивалось человечество.

Высокие речи, но безосновательные, догадки, легенды, вымыслы, а Джером Елисеевич, считая себя образованным современным человеком, открытым новому миру, в такие вещи не верил. Конверт все-таки взял, возможно, из-за

возраста, все еще осталась юношеская доверчивость, сунул во внутренний карман пиджака. Знакомое письмо.

– Подумай еще, Джером, не руби сторяча, пожалуй, я сказала тебе больше чем позволено. Возвращайся обратно по коридору и забери с собой винтовку.

– Жаль, что в такой обстановке, но, несмотря ни на что, рад был видеть тебя, Мария, надеюсь, это ты еще одумаешься.

Возможно, так он и поступит, подумает, но вряд ли что-то сможет убедить его поверить в несурзность обвинений против Генриха. Это нелепо и не укладывается в голове образованного человека, даже и выросшего в религиозной семье. Раздраженный и, казалось, совершенно выжатый, лишенный сил молодой человек брел по бесконечному узкому коридору, тени от потустороннего света электрических ламп плясали, создавая безумные образы, дополненные возбужденным сознанием Джерома Елисеевича. Когда бесконечный коридор закончился, и в ноздри вновь ударил приятный и знакомый запах пороха, на вышедшего из стены Иеронима уставились глаза изумленного Петра.

– Как так...

– Не важно, Петька.

На мгновение показалось, что в глазах мужика сверкнули странные искры, словно просвечивающие молодого человека насквозь, как у заправского сыщика, совершенно не свойственные его типу, но быстро пропали. Пожевав губу, ору-

жейник добавил.

– Не хотите еще пару выстрелов поупражнять, господин Постников?

Джером перевел взгляд с ружья на мишени, потом на Петьку и отрицательно покачал головой.

– Подай чехол, Петька, я на сегодня закончил.

– Сию секунду, не извольте гневаться.

Он скрылся за стойкой и тут же вернулся с отличным чехлом из кожи крокодила, подобно тем, о которых Джером читал в зарубежных газетах у Теренса про африканских охотников. Кажется, это называлось сафари, тогда он мечтал побывать на таком мероприятии, вокруг опасность и не только дикие огромные хищники, но и обезвоживание и лихорадка, всюду опасность, Африка манила тысячей приключений. «Вот это настоящее и интересное дело – сафари, а не инквизиторская „охота на ведьм“ – мрак». Стрелок принял от оружейника «Самаэля», аккуратно уложенного в твердый чехол из кожи крокодила, и закинул его за плечо, ремешок с мягкой тряпичной прокладкой невероятно удобно устроился на плече.

– Диковинная вещица, с чего это? – день не переставал удивлять Джерома Елисеевича.

– Подарок от клубу, со всеми почестями от учредителя.

– Кто таков?

– Не положено, простите, господин Постников.

– А впрочем не важно, достаточно с меня на сегодня. –

Молодой человек устало вздохнул, возможно, хороший коньяк мог бы исправить дело.

Так Джером Елисеевич Постников и вышел на задворки Санкт-Петербурга, таким студентом франтом с закрученными кверху усами и одновременно африканским охотником с чехлом из кожи крокодила за плечами. Молодой человек мог лишь гадать, какие странные мысли вызывал его вид у случайных прохожих в этой, если не сказать, «деревенской» местности, даже полисмены лишь проводили странного прохожего взглядом. Извозчика подозвать такому господину не составило труда, аж сразу несколько кинулось, а один даже пытался произнести на ломаном французском: «Мсьё эст аллэ».

Нахмурившись, Мария просидела еще какое-то время в тишине и одиночестве, где-то она просчиталась, сыграла не тем козырем. Джером клюнул на пропавшую сестру, но вот религиозная развязка испортила все планы. Теперь оставалось только ждать, и еще столько нужно всего подготовить до начала операции. Медленно вдохнув, задержала дыхание и закрыла глаза, на этой работе нужно сохранять предельное самообладание, как учил Виктор Петрович.

С новым оружием и довольно примечательным чехлом из кожи крокодила Джером Елисеевич решил не гулять и направил извозчика напрямик до Вознесенской, где она подходит к обводному каналу. Затем до дома №6, соседствующего с домом №7, в котором располагалась Санкт-Петербург-

ская Духовная Академия, и потому практически весь дом был заселен духовенством, а по родственным связям и сам Постников, хоть и внук, получил в нем неплохую двухкомнатную квартиру. Молодой «охотник» напрямиком с сафари быстро взбежал по ступенькам, стараясь не попасться на глаза Агафье Павловне – домохозяйке, весьма разговорчивой и безумно набожной женщине. Но все же краем глаза она успела заметить стремительно проشمыгнувшего молодого человека и даже крикнула что-то вслед, но Джером не разобрал, что это было: то ли «какая погода», что было самым вероятным, либо «как полгода», что могло означать игнорирование Джеромом посещения храма. Агафья Павловна частенько напоминала Джерому о его «странных и неподобающих атеистических замашках». Действительно, он не был в храме уже около полугода, а на исповеди и того больше, и ничуть не жалел.

Под дверь просунули конверт, еще одно письмо на дорогой бумаге, перевязанное лентой и пропитанное ароматом нежных духов, тех же, что и на платке, что Джером носил с собой. Этот конверт он ждал и даже на мгновение забыл про всё приключившееся. Оставил «Самаэля» на газетном столике, сбросил пиджак и опустился в уютное кресло у окна. Медленно с предвкушением развязав ленту, развернул письмо. Его приветствовали милые сердцу инициалы J.D., выведенные аккуратным почерком. И далее на английском.

Jerome, I was missing you...

Finally I'm back to the Petersburg. It was a long journey and many tales to tell about, my Love. Meet me tomorrow, Friday, 30 of April, same place on 13 line street.

Jennifer.

Он перечитал короткое письмо несколько раз, много слов не требовалось, они лучше обо всем поговорят лично. Улыбаясь и мечтая о встрече, словно мальчишка, Иероним вспомнил о словах Марии и в мгновение сделался мрачнее тучи, совершенно растеряв весь свой шарм скупающего интеллектуала и франта с подкрученными кверху усами. Что же затеяла эта секретная служба...

Джером прошелся по комнате, взгляд задержался на чехле из кожи крокодила, в котором хранился «Самаэль», приклад выточен под строение плеча Иеронима, пятизарядный, мягкий спуск, повышенная точность – совершенное оружие. Затем зацепился за пиджак, из кармана которого, напоминая о себе, торчало письмо с сургучной печатью Романовых. И именно такое же он сегодня поднял с пола в университете и вернул профессору Тетереву. Произойдет что-то масштабное, странное предчувствие не давало Джерому Елисеевичу покоя. Сорвав печать, пробежал глазами письмо, и руки задрожали. Молодой человек закрыл глаза, сделал глубокий вдох и быстро выдохнул, повторил эту процедуру несколько раз, пока пульс не восстановился. Впервые за сегодня Иеро-

ним почувствовал сильный голод и понял, что с самого утра не съел ни крошки. Еды дома он не держал, да и готовить совершенно не умел, да и выпить бы не помешало.

Глава 3

Комната освещалась лишь несколькими свечами, расположенными в нишах стен. Слабый свет падал на стол и слегка выделял контуры двух человек, находившихся в комнате. За столом в глубоком кресле сидел мужчина, все его тело скрывала грубая ряса, а черты лица полумрак. Возможно было рассмотреть только подернутые сединой волосы, спадающие на плечи, и его руки, лежавшие на деревянном столе, пальцами отбивая ритм, похожий на стук часовых стрелок, словно отсчитывая время. Напротив стола знакомая нам девушка, гордо подняв подбородок, вытянулась практически по стойке «смирно», ожидая, пока мужчина закончит свои размышления и обратиться к ней. В помещение попадал легкий ветерок, пламя свеч колыхалось, а тени гротескно подрагивали. Седоволосый закончил отбивать ритм, будто только заметил девушку, удивленно обвел ее взглядом скрытых в тени массивных надбровных дуг глаз. Уважительно кивнул, положил перед собой свежий лист бумаги, обмакнул перо в окованную золотой оправой чернильницу, изготовился к письму.

– Сестра Мария, – почтительно кивнул отец Зиновий, главный писчий тайной канцелярии, разрешая девушке начать.

– Все прошло в точности, как и ожидалось, брат Иероним

и вправду великолепный стрелок, но на него оказано ужасающее паразитическое влияние Запада. Реформаторские идеи, новые веяния в мышлении полностью поглотили его, и хоть это может показаться минусом, но сыграет нам на руку. Я думаю, он согласится, ваше преосвященство, в любом случае, Джером будет на завтрашнем вечере, по моей просьбе или по своей собственной воле, а там он все увидит своими глазами.

Только Мария начала свой отчет, собеседник принялся быстро водить пером по бумаге, периодически обмакивая его в чернильницу. Отец Зиновий, человек, не только посвятивший свою жизнь господу, но и невероятно осведомленный в вопросах государственных, нужен был секретной службе в качестве эксперта. Но как человек Бога, в отличие от Иеронима, легко поддался на версию про Дьявола и пока оставался в неведении о делах императорской секретной службы.

– Что если враг заманит его на свою сторону?

– Вот в этом я уверена, мой брат – наиумнейший человек, такого никогда не произойдет.

– Вы все еще веруете в люд и недооцениваете силы врага нашего, не уверен я даже за себя, лишь на провидение Господа уповаю, столкнись с таким влиянием, а вы, сестра, веруете за другого человека, пусть и вашего родного брата, которого и сами не видели шесть лет.

– Полностью осознаю всю опасность, но с нами Господь

и Пресветлый Император.

– Господь посылает нам сложные испытания, не со всеми суждено нам справиться, некоторые заведомо непроходимы, дабы усилить веру нашу и отсеять недостойных.

– Простите мою самоуверенность в этом вопросе, ваше преосвященство.

– И в чем же основные моменты плана?

– На приеме буду я лично и человек, за которого я могу поручиться всей душой. – Выдавать весь план, даже такому высокопоставленному сановнику, Мария не собиралась, слишком уж сложную не двойную, а даже тройную игру она сейчас вела. – Мы ляжем костями, но и не дадим свершиться дьявольским планам, даже если Джером Елисеевич не прижмет к нам.

Писарь помедлил, задержал перо в чернильнице немного дольше обычного и, тяжело вздохнув, подытожил.

– В любом случае, единственная надежда наша на Господа и на брата Иеронима вашего. Идите, сестра, времени на подготовку осталось не так много, не смею задерживать более.

Мария перекрестилась, накинула капюшон своей монашеской рясы и удалилась в непроницаемый мрак. Достав изрядно впитавшееся чернилами перо, монах продолжил записи и поставил приличных размеров кляксу. Наклонившись к столу, он с сожалением присмотрелся к полученной кляксе. В слабом освещении было не заметно, как его глаза широко разверзлись, а лицо исказила гримаса ужаса, крик за-

стрял в горле, на свет вырвался лишь жалобный хрип. Неизвестно откуда взявшийся сквозняк пронесся по келье, поочередно затушив все четыре свечи, седовласый попытался встать, но силы покинули старое тело. Несмотря на крошечную тьму, поглотившую все пространство, он все еще мог видеть, как чернила, растекаясь по освященной бумаге, образуют отвратительный богохульный символ. От вида этого еретического действия старый писарь Зиновий сложил на груди руки и нараспев принялся читать молитвы. Когда он вновь открыл глаза, клякса пропала, а огонь вновь горел в нишах стен, но странный символ успел проникнуть в его сознание, старец не мог даже описать это чуждое естеству изображение. Зиновий помедлил немного, словно пытаясь вспомнить о чем-то очень важном, недовольно хмыкнул и продолжил вести записи. О мистическом событии, произошедшем несколько минут назад, он уже забыл и больше не вспоминал. Встряхнул длинные покрытые сединой волосы, открывая шею, на которой отпечатался ужасный еретический символ, источающий темную дьявольскую энергию. «...не уверен я даже за себя, лишь на провидение Господа уповаю...» – вывел главный писчий тайной канцелярии каллиграфическим почерком, хотя его рука слегка подрагивала.

Мария помедлила, покидая келью отца Зиновия, странное чувство не покидало её все время, что она находилась внутри, будто кто-то все время наблюдал за ними, но теперь оно пропало. Девушка поежилась от сквозняка, ворвавшегося-

ся внутрь из открывшейся двери, и ступила за порог. Дверь за спиной захлопнулась, Марии уже начинали надоедать эти сквозняки и сырость катакомб, в которых приходилось вести подпольные дела. Почему слугам Господа приходилось скрываться под землей, словно крысам, а еретики устраивают пышные приемы и балы в роскошных особняках? Коридор петлял, Мария проходила мимо закрытых дверей пустующих келий и складов, каждый шаг эхом разлетался по замкнутому пространству. На каменных стенах были высечены святые символы и молитвы, защищающие и освещающие подземелье. В стальных с позолотой петлях вставлены факелы, но сам коридор освещали потусторонним светом электрические лампы, как и тот, что вел со стрельбища в комнату для брифинга. С силой толкнув одну из дверей, монахиня вернулась как раз в неё. За столом, перекладывая бумаги, сидел молодой мужчина в деловом костюме при шейном платке, рыжеватые кучерявые волосы переходили в жиденькие бакенбарды, а по лицу рассыпались мелкие веснушки. Оглянувшись на вошедшую девушку, он улыбнулся, в зеленых глазах мелькнули радостные нотки. Заперев за собой дверь на засов, Мария скинула капюшон, устало вздохнула и, кокетливо приобняв мужчину за плечо, остановилась у него за спиной.

– Машенька, вы выглядите измученно, эти промозглые катакомбы сделали вашу нежную кожу совершенно бледной.

– Если бы только катакомбы, Виктор Петрович.

Они перевели взгляды на бумаги, расположенные на столе, которые изучал мужчина до возвращения Марии. Подробные чертежи двухэтажного особняка с подвалом были разложены и испещрены пометками и стрелками.

– Я представил приблизительное расположение гостей, разделил их на группы по знакомствам. – Рыжеволосый указал на столбики из инициалов с пометками. – Стрелками обозначил вероятные пересечения и, проанализировав ход действий, предположил, что нам с вами, дорогая Машенька, лучше расположиться здесь, в компании генерала Стрельникова-Ижова, с которым мне выпала возможность служить и быть знакомым лично. Также именно с этой позиции будет открываться возможность наблюдать практически за всеми гостями. Господин Потап Михайлович страстен до вкусной закуски и не будет отходить далеко от стола, а с ним предпочтут быть в компании посол балтийский Ангус Эльс и зажиточный банкир Самуил Эрнестович Бруман. Ангус страстен до военных баек, мечтал оказаться на передовой, но не может перебороть свою врожденную трусость. Самуил Эрнестович хорошо наживаетея на любых военных конфликтах и не пропустит малейшей информации от русского генерала.

– Здесь Иероним? – К Марии снова вернулось серьезное выражение лица и грубые командирские нотки в голосе, указав на толстую красную точку. – А это Дженнифер. – Она провела указательным пальцем по тонкой красной линии, аккуратно очерченной Виктором Петровичем, от точки

к инициалам Д.Д. и прищурила глаза. Далее линия расходилась паутиной по всему особняку.

– Да, это вероятные развития событий. Вероятнее всего... – Мужчина указал на основную линию, которая была толще всех остальных.

«Иероним Елисеевич приказал извозчику остановить тарантас за несколько улиц до назначено места, он специально выехал раньше, чтобы добраться пешком в назначенное время. Молодой человек все еще пребывал в странном расположении духа после прочитанных вчера писем, причем оба были адресованы ему лично. Первое от горячо любимой Дженн, встреча с которой трепетала одну часть его души, а второй от самого Пресветлого Императора Александра II, которое заставило вторую часть души собраться в стальной прут. На плече «вольный стрелок» нес все тот же примечательный чехол из кожи крокодила. Подходя ближе к особняку он оглянулся и, убедившись, что никто не следит, перекинул «Самаэля» в плотном чехле через ограду аккуратно в густые кусты гортензии. Вошел в особняк Джером в установленный срок, и практически с самых дверей его взгляд уловил знакомый силуэт исхудавшей после долгого путешествия девушки. Дженнифер оглянулась, их взгляды соединились, залившись краской, она помахала возлюбленному ручкой.

– I'm so glad to see u again, Jerome! – крикнула иностранка приближающемуся к ней сквозь собирающихся гостей другу

и тут же испуганно осмотрелась, удивляясь своей не подобающей леди выходке. Джером Елисеевич рассеянно здоровался со знатными гостями, не обращая на них никакого внимания, его взгляд был прикован лишь к одной персоне. Ему потребовалась немалая выдержка и сила воли, чтобы не заключить возлюбленную в объятия, а лишь кратко поклониться и поцеловать её исхудавшую ручку.

– My lady, let me hang around with you.

– You have my allowance, sir.

Уголки рта Дженнифер растянулись в едва заметной кокетливой улыбке».

– Вот в этот самый момент в дело вступаем мы, Машенька. Ваш брат не заметит нашего присутствия, ибо будет невероятно занят своей дамой сердца, а мы будем рядом, аккуратно с другой стороны стола с генералом Стрельниковым-Ижовым, который придет заранее, чтобы не пропустить аперитив.

Мария замороженно следила за идеальным ходом мыслей рыжеволосого Виктора Петровича. Его манера говорить и изложение событий рисовали живые картины перед её взглядом. По комнате изредка проносился легкий ветерок, гонимый сквозняками сквозь щели дверного проема, и шелестел разложенными на столе бумагами. Увлеченные обсуждением плана, «заговорщики» не обратили внимания на странную неестественную тень, образовавшуюся в дальнем углу комнаты. Виктор водил тонким пальцем с ухожен-

ными ногтями по карте увлеченно и слегка самоуверенно. Эта уверенность настолько подкупала Мэри, что заражала и её. Один из тайных советников самого императора Александра II, начальник секретной службы, в такого человека невозможно не верить, им невозможно не восхищаться, невозможно не влюбиться, хотя это противоречило всему, что положено шпионке и подчиненной.

« – Долгие странствия истощили вас, но ничуть не лишили красоты, а огонь в глазах горит с новой невероятной силой.

– Невероятный опыт, Джером, столько интересно, столько хочется поведать и обсудить, наслаждаясь твоим обществом, – последние слова девушка произнесла почти шепотом, перейдя на ты.

– Перейдем в другую комнату, где нет лишних глаз, и...

Но закончить фразу Иерониму Елисеевичу не удалось, её прервал человек с другой стороны стола, учтиво постучав ложечкой по своему бокалу, привлекая всеобщее внимание, между тем уже практически все были в сборе, а в проходе в дальней части зала стоял сам виновник торжества Генрих Фон Арнет. Слегка возмущенный Джером окинул взглядом мужчина с бокалом, одет по последней моде, костюм сидел как влитой, точно под заказ. Вычесанные рыжие волосы переходили в бакенбарды, а зеленые янтарные глаза смотри прямым на Джерома. Виктор подмигнул правым глазом, чуть повел головой в сторону, Иероним проследил направление и теперь заметил спутницу рыжеволосого, истинную ан-

глийскую леди с аккуратной короткой стрижкой, свою сестру Мэри, не перестававшую удивлять его в последние два дня. За своим возлюбленным оглянулась и Дженнифер, заметила Марию и приветливо помахала ручкой, словно давней знакомой, та ответила добродушной приветливой улыбкой.

– Вы знакомы? – все так же на английском обратилась она к Джерому, заметив, как он смотрит на Марию.

– I don't think so...

Мария отреагировала быстрее, чем Иероним успел раскрыть все карты, на безупречном английском, даже с некоторым локальным, чисто лондонским акцентом. Молодой человек совершенно потерял связь с действительностью, погружившись в быстрые размышления. Он пропустил мимо ушей всю речь, что произнес рыжеволосый спутник его сестры, и мельком ухватил суть слов Дженн. Похоже, они вместе были в экспедиции, значит, Мария шпионка. Ну и сестра – шпионка, инквизитор и чистокровная британская леди.

Своей худенькой нежной ручкой Дженнифер потянула за собой своего спутника, обойдя стол, они соединились с компанией, в которой обитали рыжеволосый и монахиня. Пока Джером Елисеевич пытался успокоиться и структурировать ситуацию, девушки весело обсуждали экспедицию.

– Я никогда не забуду, ты остановила меня и на том перевале в горах за мгновение до того, как Андре улетел в бесконечную пропасть. Жаль тебе пришлось вернуться в Россию и не довелось видеть того, что мы нашли, Мэри, это просто

непостижимо, но не имею право рассказывать, вскоре Генрих расскажет все сам.

– Я так долго сожалела о возвращении, но здоровье подвело в самый неподходящий момент... Ах, не создана я для таких странствий, слишком много провела времени в лондонских «тепличных условиях», – в голосе Марии слышался явный налет светской леди.

– Знаешь, тут такое расскажу...

Мария взмахнула руками, как заправская сплетница, и под этим предлогом отвела Дженнифер в сторонку от кавалера. Теперь в дело вступил рыжеволосый, ростом он оказался чуть ниже Джерома, но из-за пышной шевелюры и долгового телосложения казался немного выше.

– Романов, Виктор Петрович. – Он пожал руку опешившему от фамилии нового знакомого Джером».

Глава 4

Первый выстрел прошил легкое, второй невероятным образом прошел мимо и выбил значительный кусок каменной кладки. Сказывалось всякое отсутствие опыта стрельбы по живым мишеням. Сердце вздрогнуло, «вольный стрелок» перевел дыхание. Когда прошло это мгновение, в которое из студента и представителя интеллигентной реформаторской молодежи он превратился в хладнокровного убийцу. Но оно прошло, и Джером испугался, что не заметил его, испугался себя, стараясь подавить душевное смятение, прицелился снова. Прозвучал еще один выстрел, глаза затянуло кроваво красной пеленой, но боли не было, ничего больше не было.

Но восстановим порядок событий. После ночных гуляний и пары кружек эля в одном из питерских вертепов Джером вернулся в свою квартиру уже за полночь, проснулся поздно, пропустив лекции в универсуме. Весь день мучился мигренью, метался в сомнениях и в приступе минутной ярости, сломал любимый табурет. Совершенно измученный ночным кошмаром, в котором, прогуливаясь по Невскому, молодой человек решил свернуть на улицу Казанскую. Внезапно наступившая ночь застала его на подходе к Казанскому кафедральному собору, где около главного входа готовили костер для сожжения ведьмы. С костра уставшим взглядом

за всем происходящим наблюдала измученная жертва «темных умов». Приглядевшись, он узнал родные черты Дженнифер Дейси, её взгляд сделался совершенно пустым, жизнь покидала девушку, больше не было того огня в глаза, что так любил в ней прошлой Джером. Сердце перестало биться от зрелища казни любимой, а толпа вокруг скандировала и ликовала: «Сжечь ведьму!». Но события приняли более гротескный оборот, воспаленное сознание, усиленное пойлом из вертепа и событиями прошлого дня, начало рисовать ужасные картинки. Факел к костру нес не кто иной, как сам император Александр II, за ним следовала Мария, неся длинный черный шлейф плаща. Тут из толпы раздались крики, а Дженнифер разразилась истерическим смехом. Несколько ведьм, непременно обнаженных и верхом на метлах, на чем же иначе, вылетели из людской толпы, сея страх и смятение. Александр бросил факел на костер, пламя взвилось, хохот Дженнифер резал уши, а сам Иероним поднял в руках «Самаэля», приложил к плечу приклад и в два выстрела перебил веревки, что связывали его возлюбленную. В это время Александр, ловко орудуя былинным двуручным клинком, словно богатырь из русских народных сказок, сразил первую из нападавших на него ведьм. Две другие подхватили освобожденную от пут соратницу и взмыли в небо, навстречу набирающему силу месяцу. Теперь все взгляды обратились на стрелка, а император с занесенным для удара мечом уже быстрыми шагами шел в его сторо-

ну. С лезвия черными каплями стекала ведьминская кровь, капли падали на мощенную камнем улицу и с шипением растворялись, оставляя щербинки. За Александром бежала Мария, быстро нашептывая что-то его высочеству, злые взгляды толпы были прикованы к лишенному воли молодому человеку, лишенному всяких сил вновь поднять свое ружье. И вот сталь уже коснулась его плоти, холодная и мертвая. Весь в поту Иероним Елисеевич проснулся от настойчивого стука в дверь.

Агафья Павловна сначала запнулась, оглядывая мокрого от пота в помятом вчерашнем костюме Иеронима Елисеевича, затем, нахмурившись, буркнула:

– Учебу проспали, господин Потников... Постников.

Джером, наконец, проснувшись, оценил свой внешний вид, рассмеялся оговорке домоусмотрительницы, а старая женщина, раскрасневшись, еще более нахмурилась и демонстративно удалилась.

Начиная с этого момента, Иероним не находил себе места и, словно дикий волк, нарезал круги по своей квартире и, как уже упоминалось, сломал табурет, все время попадавшийся ему на пути. Ближе к пяти часам вечера, собравшись с силами, он принял ванну, привел в порядок прическу и надел сорочку с золотыми пуговицами и свежий костюм французского пошива. Вычищенные сапоги уже ждали его под дверью, ружье оставил дома. Не на войну собрался, а ходить на светские приемы с оружием нечего – к такому выводу студент

и представитель интеллигентной реформаторской молодежи пришел за день метаний. Возможно, первый раз в своей жизни он опаздывал, и день с каждым его мгновением становился все «интереснее», но предвкушение встречи с Дженн вернуло улыбку на лицо Иеронима. Агафья Павловна недовольным взглядом проводила выбежавшего студента «потерянного поколения» и не обмолвилась, вопреки обычному, ни словом, слегка фыркнула, прокрутив в голове «Потников»...

Поймав первого попавшегося извозчика, Джером приказал скорее гнать лошадей до 13-ой улицы, а сам в процессе подкручивал щегольские усики, которыми желал похвастаться перед Дженнифер, на момент прощания в прошлом году их у него не было. Солнце вновь клонилось к закату, и улицы Петербурга заметно опустели, лишь некоторые парочки неспешно прогуливались в районе набережных, да засидевшиеся допоздна на службе клерки спешили домой к семьям. Погода все еще стояла не по времени летняя.

Многие гости уже заполнили особняк на 13-ой улице, при дороге в ожидании остановились разнообразные экипажи и дорогие кареты, подчеркивая собравшийся внутри весь свет столицы. На самой же придомовой территории стоял тот самый паровой дилижанс, что давеча столь изумил Теренса Денненгема. Некоторые из гостей рассматривали диковинное творение, другие уже проследовали внутрь особняка в главную залу. Уже знакомый дворецкий, урожденный Швейцарии, Адольф Шмидт учтиво склонил голову, привет-

ствуя Джерома Елисеевича. Еще с порога, окинув собравшихся взглядом, опоздавший Иероним нашел в толпе единственного дорогого ему человека. Дженнифер, видимо, уже заскучала в ожидании его, она заметно похудела после экспедиции. Она о чем-то вяло беседовала с, кто бы мог подумать, одетой по последней лондонской моде, будто только с Трафальгарской площади, и короткой аккуратной европейской прической истинной английской леди. Мария что-то рассказывала Дженнифер, когда девушка, обернувшись, пересеклась взглядом с Иеронимом, на ее лице наконец появилась улыбка, практически засияла. Не дослушав фразу Марии, англичанка замахала новому гостю и начала пробираться к нему навстречу сквозь собравшихся в «кучки» представителей высшего общества Петербурга.

– Oh, my Jerome, I was thinking that you didn't come.

Девушка бросилась на плечи и обняла возлюбленного, ей было совершенно все равно на косые взгляды, что окатили её сразу с нескольких сторон.

– Я бы прорубился через орду диких басурман, но пришел, Дженн.

– Давай скорее...

Но закончить фразу Дженнифер Дейси не удалось, её прервал спутник Марии, учтиво постучав ложечкой по своему бокалу, привлекая всеобщее внимание, между тем уже практически все были в сборе, а в проходе в дальней части зала стоял сам виновник торжества Генрих Фон Арнет. Слегка

возмущенный Джером окинул взглядом мужчину с бокалом, одет по последней моде, костюм сидел как влитой, точно под заказ. Вычесанные рыжие волосы переходили в бакенбарды, а зеленые янтарные глаза смотрели на Джерома с некоторой укоризной.

– Виктор Петрович Романов, вроде бы родственник самого Александра, – шепнула Дженн на ухо Джерому. – Самодовольный выскочка.

Они оба подавили подкатывающий приступ смеха. То, что Мария находилась на приеме, совершенно не удивило Иеронима, это было предсказуемо, но её спутник показался довольно интересным субъектом, родственник императора, посмотрите-ка. Значит, письмо было настоящим, написанное рукой самого государя, что ж, это лестно, но не более. Некоторые вещи становились на свои места, императорская секретная служба и правда начала свое дело. Нужно было как-то вывести Дженн, пока не началась заварушка, в которой он не имел никакого желания участвовать.

Тем временем рыжеволосый отпрыск великого рода покинул свою спутницу и начал пробираться к центру залы, все взоры были обращены на него. Движения изящны, шаг поставлен, улыбка располагает, Виктор Петрович остановился практически подле Иеронима и Дженнифер.

– Дамы и господа, позвольте мне сказать слово в честь нашего великого археолога и исследователя, который стирает черные пятна истории и приносит свет науки, разгоняю-

щий мрачные тучи невежества. Господин Генрих Фон Арнет, приветствую вас в Санкт-Петербурге, говоря от имени Государя Императора Всероссийского Александра II. You are most welcome person, – закончил Виктор по-английски и поднял вверх бокал, гости одобрительно зашумели, также поднимая бокалы. Фон Арнет смущенно улыбнулся, словно такая светская жизнь ему слегка претила.

– I'm pleased, Mr. Romanoff. Saint-Petersburg is one of my favorite places in civilized world. Now please be my guests, relax. I will start presentation about great mystery that I found during my expedition soon.

В английском произношении археолога явно проскальзывал германский акцент, сам Фон Арнет невысокого роста, худощав, если не сказать, что костляв, дорогой костюм висел на нем, как на гвозде. Жидкие волосы спадали на круглые роговые очки с легким солнцезащитным эффектом, было заметно, что он чувствовал себя некомфортно без своего колониального пробкового шлема, так как постоянно прикладывал ладонь к голове. Гости вновь зашумели, вернувшись к своим беседам, оживленно выдвигая теории о находках Генриха или просто обсуждая насущные столичные дела.

– Кажется, нас не представили, Романов, Виктор Петрович. – Рыжеволосый незаметно для Иеронима оказался подле него и протянул руку с ухоженными ногтями.

Молодой человек ответил на рукопожатие и сам представился в ответ высокородному собеседнику. Джерому Елисе-

евичу слегка противили столь ухоженные мужские руки, сразу видно, ничего тяжелее пера да вилки для моллюсков в руках не державшие. За своим кавалером подросла и замаскировавшаяся под английскую светскую леди Мария, незаметно подмигнув брату, мол «сохраняй конспирацию». По крайней мере, Джером воспринял это подмигивание только так и никак иначе.

– Дженнифер, пора готовиться к презентации, Генрих ждет.

На английском Мэри говорила безупречно, от такого чистого произношения Джером даже постыдился, хотя считал язык туманного Альбиона своим вторым языком, он так же в совершенстве владел немецким и чуть хуже французским, хотя давно уже не практиковался в них. На лицо Дженн вновь вернулась скука, грустный взгляд упал на Джерома, с которым она явно желала провести больше времени.

– Я скоро вернусь, Jerome!

Девушки удалились в соседнюю залу, проход в которую закрывали черные бархатные шторы, а Иероним остался в компании Романова. Общество кровинушки императора, конечно, льстило, но не сказать, что было невероятно приятно. Виктор Петрович заговорщически улыбнулся, его янтарные глаза словно просвечивали нового знакомого насквозь.

– Что же вы, Джером Елисеевич, оставили своего брата «Самаэля Елисеевича» дома, на бал не пригласили.

– А то, что не место ему на балу, Виктор Петрович, слиш-

ком уж братец мой горяч и все больше любит войну да охоту, заскучает, еще стрельнет в кого.

Романов, улыбнувшись, хлопнул в ладоши, видимо, весьма довольный остроумным ответом на свой каверзный вопрос.

– Ну, уж стрельнуть в кого в собрании таких высоких особ точно найдется, все мы не без грешка, Джером Елисеевич, все... – он сделал особый акцент на последнем слове и выразительно взглянул на собеседника. – Пройдемся, душно здесь, презентация только через двадцать минут.

В зале, где собралось более сорока человек, было действительно довольно душно, Джером давно уже расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Летняя терраса особняка представляла собой полукруглое открытое пространство, окруженное мраморной изгородью с резными скульптурами на манер античных. Свежий воздух практически мгновенно взбодрил, придал мыслям ясности. Солнце уже село за горизонт, и столица погрузилась в мирный свет набирающего силу месяца, возможно, осталось два или три дня до полнолуния, вспомнилась Джерому недавняя лекция по астрономии профессора Тетерева. Здесь, на террасе, людей было гораздо меньше, одинокий седой дородный мужчина украдкой потягивал сигарку, возможно, скрываясь от жены, что осталась в зале, компания из четырех человек, трое мужчин и молодая особа обсуждали созвездия, высыпавшие на ночное небо. Девушка иногда ахала от восторга, а мужчины наперебой старались

поразить её своими астрономическими познаниями, слышалась французская вперемешку с русской и английской речь.

– Так вот, Джером Елисеевич, вам же больше нравится Джером? – и, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос, рыжеволосый продолжил, его голос заметно изменился, стал жестким и властным: – Империя нуждается в вашей помощи, нам нужен такой стрелок, что с трехсот шагов попадет воробью в глаз.

– И что же это за воробей такой, что угрожает всей империи? – Иероним был не из той породы людей, что падали ниц при виде и подчинялись приказам без раздумий.

– Генрих Фон Арнет, пока не поздно, а потом «воробьев» будет целая стая, в том числе ваша возлюбленная Дженнифер Дейси может попасть под прицел уже через восемнадцать минут.

– Вы в своем уме? Только приветствовали его от имени императора, а теперь просите убить! Да если хоть волос упадет с головы Дженн, вы сами попадете под мой прицел. – Пульс участился, «вольный стрелок» чувствовал, как может потерять контроль при виде этого надменного рыжего выскочки, глубоко вдохнул.

– У нас есть люди. Мы все-таки секретная служба. – Он показал на крыши соседних зданий, словно рассказывая про созвездия. – Но в таких условиях шансы попасть в цель невелики, откроют огонь на поражение, а Дженнифер, как одна из участников экспедиции, будет стоять рядом с Арнетом

во время презентации. Но вы, мой дорогой Джером Елисеевич, можете одним точным выстрелом поразить цель, не подвергая никого опасности.

– Я не собираюсь убивать одного из ведущих ученых историков и археологов современности, это же откинет науку на десятки лет назад! Да что, черт побери, он такое собирается натворить?

– Не чертыхайтесь, потому что Дьявол сегодня ближе, чем вы думаете, Джером Елисеевич.

– Non sense! Вы потомок Романовых, Виктор Петрович, и образование получили наверняка лучше моего, но верите в такую чушь, отголоски темного времени?

– Я не прошу вас поверить мне голословно, мы перевезли вашу винтовку, заранее извиняюсь, что пришлось проникнуть к вам в квартиру без ведома, но слишком высоки ставки. Она ожидает в доме напротив. – Когда мужчина показал на одно из окон, там несколько раз в ответ моргнул световой сигнал. – Будьте готовы к выстрелу. Пятнадцать минут, Джером Елисеевич.

Молодой человек помедлил, подкрутил усы, глядя в заветное окно. «Дженн так и не успела ничего про них сказать, может, и не заметила в суматохе».

– И еще, я сам тоже буду здесь, захотите, стреляйте в мое сердце, сердце ужасного заговорщика и ретрограда, а теперь мне нужно еще кое-что устроить, прошу извинить и рад был познакомиться, Джером Елисеевич.

Виктор Петрович развернулся на каблуках подобно заправскому гусару и удалился обратно в залу к остальным гостям, на ходу окрикая неизвестного Иерониму мужчину, того самого, что секретно потягивал сигарку.

– Здоровье все испортите сигарками, Самуил Эрнестович, пойдемте, выпьем шампанского.

Седой дородный мужчина встрепенулся и последовал за Романовым, а компании изучающей звезды совершенно не было дела до Джерома. «Ловко он забрал единственного свидетеля», – усмехнулся про себя молодой человек, перепрыгнул через ограждение летней веранды, через сад пробежал до внешнего забора, в котором кто-то предусмотрительно выпилил пару прутьев. Понадобилось две минуты, чтобы добраться до небольшой погруженной во тьму квартиры. «Самаэль» ждал на газетном столике у окна в своем диковинном чехле из кожи крокодила. Застежки легко отскочили в стороны, отполированная сталь дула сверкнула в лучах лунного света. «Вольный стрелок» готовился продать свою душу дьяволу либо богу, оба они жаждали крови сегодня. Один за другим Джером вогнал заряды в патронник, снял предохранитель, высокая тумба уже предусмотрительно была придвинута к нужному окну, напоминая собой огневой рубеж стрельбища. Перед ним открывался изумительный вид на летнюю террасу особняка жертвы, и даже были различимы голоса все той же компании «звездочетов». Приятная ночь – такая тихая и светлая. Стрелок поежился, каза-

лось, все звезды сейчас следят за ним, он чувствовал себя совершенно беззащитным под взглядами этих древних ночных блюстителей, повидавших падение и восхождения лучших представителей человеческой расы. Вот он, студент, вольнодум, считавший себя свободным, не поддающимся управлению человеком, готовится к выстрелу под «дудочку» этого рыжеволосого Романова.

– Как низко вы пали, Джером Елисеевич... – произнес он вслух самому себе.

Оставалось примерно восемь минут до назначенного события, и на террасу из зала начали выходить гости. Дворецкий Адольф Шмидт вынес внушительную мраморную стойку, другие слуги поставили полукругом несколько столиков пониже и принялись расставлять на них предметы, покрытые черной бархатной тканью. Следом показалась Дженнифер с предметом крупнее предыдущих и так же завернутом в бархат. Девушка остановилась возле мраморной стойки, водрузив предмет в специальную нишу. Мария вновь присоединилась к своему рыжеволосому спутнику, занявшему место в первых рядах. Виктор Петрович что-то быстро нашептывал своей напарнице по заговору. Джером Елисеевич прекрасно видел все происходящее, летняя терраса великолепно освещалась электрическими фонарями, установленными на стенах особняка. Стрелок прицелился, Виктор Петрович действительно не прятался и выглядел легкой мишенью, здесь даже меньше трехсот шагов. До назначенного сро-

ка начала презентации оставалась пара минут, приклад удобно лежал на плече, словно продолжение тела, предохранитель спущен, палец так и тянется к спусковому крючку, пульс ровный, Джером ждал невиданного дьявольского события, обещанного Романовым.

Глава 5

Хоть и с небольшой заминкой, но пока все шло по плану, Виктор Петрович остался с Иеронимом, а ей удалось увести Дженнифер. Мария отодвинула непроницаемую занавеску из черного дорогого бархата, пропустила вперед спутницу, и скрылась в темноте комнаты следом за ней. Девушки аккуратно прошли темную комнату, освещаемую через окно лунным светом, постепенно глаза привыкли к полумраку. В дальнем конце у кованой двери стоял внушительных размеров охранник в колониальном мундире, на поясе из кобуры торчал револьвер, а через плечо перекинут патронаж с крупнокалиберными патронами. Мария разбиралась в оружии, и патроны эти явно не для австрийского Гассера M1878, что ждал в кобуре. Более они подходили для охотничьего ружья на крупную дичь, возможно, для Штуцера Holland&Holland.

– Oh, ben jij het, Dame, – произнес мужчина по-голландски и отступил в сторону, отворяя тяжелую дверь перед англичанками.

– Thank you, Paule, – кокетливо подмигнула крупному голландцу Мэри.

Лестница вела в подвал, освещение выключено, но все помещение заполняло странным магическим сиянием. Оно исходило от предметов различных геометрических форм, раз-

ложенных в отдельных нишах по всему периметру подвала, вокруг прохаживался профессор Фон Анрет, делая последние заметки в своем походном дневнике. Волосы постоянно спадали с роговой оправы круглых очков на глаза, а он откидывал их обратно.

– О, мои дорогие, самое время...

Археолог приветствовал девушек, но даже не оторвал взгляда от странных предметов. В углублении справа находился внушительный обелиск – идеальный прямоугольник из неопознанной темной материи, также излучающий магическое сияние. Обелиск располагался прямо под летней террасой, ниша явно сделана за пару дней, но вполне добротно. Генрих навис над самым крупным предметом размером с мяч для новомодной английской забавы soccer, современной интерпретации древнеримского «Харпастума». Мария уже видела этот странный многоугольник, но его чуждые чистому православному сознанию формы совершенно не укладывались в голове, и стоило отвести взгляд, как представление о его внешнем виде напрочь пропадало из памяти, оставалось только неприятное желание снова взглянуть. Этот предмет являл собой все противное человеку, все грехи, Мария с трудом сдерживала себя, чтобы не произнести защитную молитву Господу Богу и не перекреститься.

– Кажется, все верно... – Генрих чиркнул последнюю заметку в дневник и захлопнул книгу. – Дженн, милая, размести «Эндшпиль» на центральной стойке. Мэри, дорогая,

пригласи наших гостей на летнюю террасу. Начнем презентацию.

Дженнифер завернула многоугольник в бархатный платок, лежавший подле него. Несмотря на размеры, он был практически невесомый, на лице исхудавшей девушки появилось выражение благоговейного ужаса, когда камень оказался у нее на руках. Сам же профессор направился к обелиску, подле которого в тени ниши, словно призрак, находился еще один человек. Мария только сейчас поняла, что он находился здесь все это время. Имени этого человека за все время, что она находилась в приближении археолога, девушке узнать не удалось, только странное прозвище Софо. Софо, по крови также немецкий австриец, приходился Генриху каким-то дальним родственником, но родился и вырос в британской колонии где-то в Африке. В тех местах было все еще распространено местное наречие йоруба, на котором, по преданиям, можно разговаривать с почитаемыми аборигенами духами. В переводе с йоруба «софо» – пустой, за что так прозвали молодого человека – неизвестно. По родственным связям попал проводником в первую африканскую экспедицию Фон Арнета, и с тех пор они стали самыми близкими друзьями. Найти его родственников также не удалось, запросы в посольства Австрии, Англии и Франции, которые в свою очередь отправили запросы по своим африканским колониям, не дали абсолютно никакой информации. Самая темная личность, что приходилось встречать Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.